

ФУНКЦИИ КОСВЕННЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. В. НАБОКОВА

Н. А. МИХАЛЬЧУК¹⁾

¹⁾Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова,
ул. Космонавтов, 1, 212022, г. Могилёв, Беларусь

В аспекте идиостиля рассматривается смыслообразовательная нагрузка в художественном тексте косвенных речевых актов, включенных в речь персонажей. Исследуются функции четырех наиболее частотных классов косвенных речевых актов – директивов, репрезентативов, экспрессивов и контактивов – на материале русскоязычных произведений В. В. Набокова. В рамках каждой группы косвенных речевых актов выделяется ряд номинаций речевых интенций, формирующих значение высказываний. Доказывается, что важнейшими стилистическими функциями не прямых высказываний являются создание художественного образа персонажа, реализация ключевых идей произведения, выражение не прямой авторской оценочности, импликация сюжетобразующего события. Отмечена особая роль косвенных репрезентативов в речи персонажей – выражение наиболее значимого в системе ценностей В. В. Набокова. Утверждается, что специфической функцией косвенных контактивов является введение в текст В. В. Набоковым импликаций сюжетобразующих событий. Указывается, что в творчестве В. В. Набокова создан особый социально-психологический тип персонажей, в формировании языковых личностей которых ключевую роль играет не прямая коммуникация.

Ключевые слова: косвенный речевой акт; языковая личность персонажа; художественный образ; косвенные коммуникативные единицы; директивы; репрезентативы; экспрессивы; контактивы; не прямая авторская оценочность.

FUNCTIONS OF THE INDIRECT SPEECH ACTS IN V. V. NABOKOV'S WORKS

N. A. MIKHALCHUK^a

^aMogilev State A. A. Kuleshov University, Kasmanautai Street, 1, 212022, Mogilev, Belarus

The article considers the sense-making load of indirect speech acts, included in the speech of personages of a literary text in the aspect of idiostyle. On the grounds of the analysis of the indirect speech acts in V. V. Nabokov's works the idiostyle features of the writer's prosaic works are revealed. The creation of a special socio-psychological type of characters, in the formation of whose language personalities indirect communication plays the key role, is pointed out. The author proves that the most significant stylistic functions of indirect speech acts include the creation of the artistic image of a character, the realization of the messages of a literary work, the expression of the indirect author's evaluation, the implication of the plot-making event. A special role of the indirect representatives in the characters' speech which is the expression of the most important in Nabokov's system of values is noted.

Key words: indirect speech act; language personality of the character; artistic image; indirect communication units; guidelines; representations; expressives; contactives; indirect author's evaluation.

Образец цитирования:

Михальчук Н. А. Функции косвенных речевых актов в произведениях В. В. Набокова // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 2. С. 78–85.

For citation:

Mikhalchuk N. A. Functions of the indirect speech acts in V. V. Nabokov's works. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 2. P. 78–85 (in Russ.).

Автор:

Наталья Александровна Михальчук – старший преподаватель кафедры общего и славянского языкознания историко-филологического факультета.

Author:

Natalia Mikhalchuk, senior lecturer at the department of general and Slavic linguistics, faculty of history and philology.
n-mikhalchuk@list.ru

Академик В. В. Виноградов, ставивший фундаментальную задачу исследования языка художественной литературы во всем его многообразии, подчеркивал, что в художественном произведении языковые формы осложняются «контекстом литературы, литературной школы, жанра, своеобразными приемами литературных композиций» [1, с. 19]. Отправной точкой в изучении языка художественной литературы для В. В. Виноградова была индивидуальная языковая структура, опираясь на анализ которой исследователь пришел к углубленному пониманию и обновленной интерпретации художественного образа. Важнейшим открытием ученого стала идея о взаимодействии в произведении языковой личности, художественного образа и образа автора [1; 2].

Вслед за В. В. Виноградовым изучение языковой личности персонажа и соотнесение ее с целостным художественным образом продолжил Ю. Н. Караулов. В работе «Русский язык и языковая личность» исследователь сделал вывод о возможности и закономерности перехода от содержания языковой личности к содержанию художественного образа, в основе которого лежит духовный мир индивидуума [3, с. 71]. Духовность опредмечивается в речевых поступках человека, его языковом поведении, т. е. в текстах, которые он создает. Одной из самых существенных особенностей художественного текста как единицы коммуникации является его абсолютная антропоцентричность, что определяется взаимодействием адресанта-автора с адресатом-читателем, осуществляемая через систему создаваемых писателем действующих лиц.

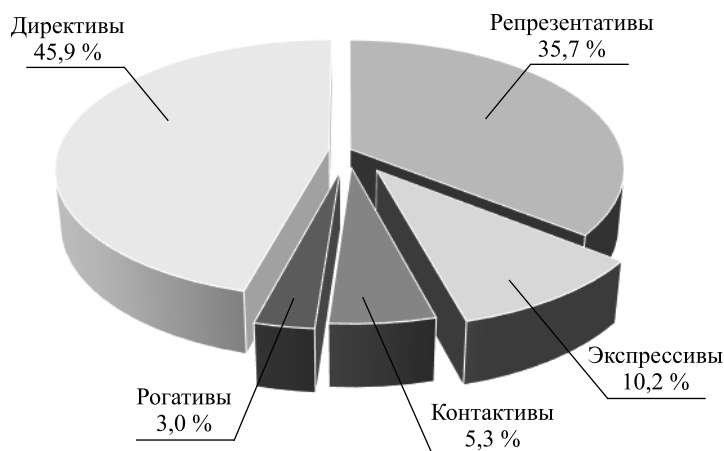
Понятие «содержание художественного образа» является многоплановым. Исследователь М. Б. Храпченко выделил четыре сферы раскрытия художественного образа: отражение и обобщение существенных свойств, черт действительности, представлений человека о мире, раскрытие сложности духовной жизни людей; выражение эмоционального отношения ко всему, что служит объектом творчества; воплощение идеала, совершенства, красоты жизни, природы, воплощение эстетической значимости предметного мира; внутренняя установка на восприятие читателем [4, с. 79–80].

Роль косвенных коммуникативных единиц в создании художественного образа различна и зависит от того, в какой план коммуникации художественного текста они включены. Так, в коммуникации литературных персонажей косвенные высказывания характеризуют героя как языковую личность, помогают очертить его речевой портрет, способствуют выявлению авторского отношения к нему и участвуют в формировании художественного образа, воссоздают его духовный облик. Косвенные коммуникативные единицы, выполняющие эту функцию, широко представлены в романах В. В. Набокова «Защита Лужина», «Отчаяние», «Машенька», пьесе «Человек из СССР».

Будучи включенными в коммуникативный план *автор – читатель*, косвенные высказывания не только исполняют функцию характеристики образов персонажей, но и способствуют реализации основного конфликта, ключевых идей, метафор произведения, главных особенностей поэтического мира писателя. Данная функция значима в романах В. В. Набокова «Машенька» и «Приглашение на казнь». В некоторых случаях ее могут выполнять и речевые акты, включенные в коммуникацию литературных персонажей, например реплики Ардалиона в романе «Отчаяние», выражающие ключевую идею произведения, не прямые высказывания палачей Цинцинната в произведении «Приглашение на казнь», несущие ту же стилистическую нагрузку.

В качестве теоретической основы исследования мы используем деление речевых актов на семь классов, предложенное Н. И. Формановской и являющееся таксономией первичного членения речевых актов Дж. Серля: 1) репрезентативы – сообщения; 2) комиссивы – обязательства; 3) директивы – побуждения; 4) рогативы – вопросы; 5) декларативы – объявления (декларации); 6) экспрессивы – выражения эмоций; 7) контактивы – выражения речевого этикета [5].

Все перечисленные типы речевых актов могут выражаться прямым или косвенным способом. В данном исследовании анализу подлежит группа косвенных высказываний (нами проанализированы 266 соответствующих единиц). Косвенный речевой акт мы понимаем как высказывание, в котором наблюдается хотя бы малейшее расхождение между формой и прагматическим содержанием. Соотношение типов косвенных речевых актов в русскоязычных произведениях В. В. Набокова представлено на рисунке.

Типы косвенных речевых актов в произведениях В. В. Набокова
Types of indirect speech acts in V. V. Nabokov's works

1. Косвенные директивы (побуждения). Анализ фактического материала показал, что самой частотной в русскоязычных произведениях В. В. Набокова является группа косвенных директивов. Это связано с национальной спецификой русской речевой коммуникации, в которой побуждения к действию, в соответствии с правилами речевого этикета, чаще всего выражаются в косвенной форме (Н. Д. Арутюнова, В. В. Дементьев, Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев). Группа косвенных директивов в произведениях В. В. Набокова включает ряд номинаций речевых интенций, которые служат побудительной силой к производству речевого акта и формируют значения речеактовых высказываний. Таким образом, в содержание языковых директивов, помимо логического наполнения языковой категории, может входить целый ряд дополнительных коммуникативно-прагматических значений, которые наслаиваются на первичное значение высказывания. В рамках группы косвенных директивов мы выделяем следующие подгруппы:

а) просьба (72 % примеров директивов):

– *...я готов был на все, на самую отвратительную пытку, – но я должен был хоть раз ее поцеловать.*

– *Почему вы сопротивляетесь?* – лепетал я. – *Что вам стоит? Для вас это маленький акт милосердия, а для меня – все!*¹ [6, с. 341] (вопрос – просьба; сообщение – просьба);

«*Лева, вот я уже в Полтаве целую неделю, скука адская. Не знаю, увижу ли я вас еще когда-нибудь, но мне так хочется, чтобы вы все-таки не забывали меня*» [1, с. 95] (сообщение – просьба);

б) запрет (4 %):

«*Но если, – сказал Дарвин, – ты когда-нибудь пойдешь опять в эту скверную и дорогую кондитерскую, то знай: ты из университета вылетешь. Эта особа может зачать от простого рукопожатия, – помни это!*» [6, с. 226] (сообщение – запрет);

«*Я вас перестану любить, – говорила невеста, – если вы будете вспоминать о шахматах, а я вижу каждую мысль, так что держитесь!*» [6, с. 94] (сообщение – запрет (шутливый));

в) предложение (18 %):

– *Хотите сперва в шахматы? Али в картишки? В якорек умеете? Знатная игра!* [7, с. 79] (вопрос – предложение; макроречевой акт включает три вопросительных предложения);

– *...вы, может, желали бы иметь в печатном виде речи, произнесенные на суде?* [7, с. 20] (вопрос – предложение);

г) упрек (4 %):

«*А кто забыл на ночь часы завести?* – засмеялась жена, слегка тормоша его за полную белую шею. – *Так можно проспать всю жизнь!*» [6, с. 139] (вопрос – упрек (шутливый));

«*...Скажите, Лева, ведь смешно вам теперь вспоминать ваши слова, что любовь ко мне – ваша жизнь, и если не будет любви, – не будет и жизни...*» [8, с. 97] (просьба – вопрос – упрек);

д) приглашение (2 %):

«*Вы должны непременно навестить нас на обратном пути,* – поспешно и громко прервала Лужина [6, с. 129] (сообщение – приглашение);

«*Не целуйте, перчатка грязная,*» – сказала Лужина и спросила у Алферовой, с улыбкой глядя на ее прелестное, всегда оживленное лицо, почему она никогда не зайдет [6, с. 118] (вопрос – приглашение).

В русскоязычных произведениях В. В. Набокова выделяются две основные стилистические функции косвенных директивов: воссоздание внутреннего мира, духовного облика персонажа и реализация ключевых идей произведения. Рассмотрим использование косвенной просьбы в следующем фрагменте текста.

Зима была в тот год белая, петербургская. Лужину сшили ватное пальто. Нищим русским были выданы некоторые старые лужинские вещи, – между прочим зеленое шерстяное кашне швейцарского происхождения. <...> В прихожей висел обреченный пиджак. «Он такой комфортабельный, – взмолился Лужин, – такой чрезвычайно

¹ В примерах полужирным курсивом выделены речевые акты с указанной интенцией. Выделение отсутствует, если соответствующую интенцию выражает вся приведенная фраза. – Н. М.

комфортабельный». – «Оставьте, – сказала жена из спальни. – Я его еще не осмотрела. Он, вероятно, кишит молю»». Лужин снял смокинг, который примерял, чтобы посмотреть, не очень ли он располнел за последний месяц (располнел, располнел, – а завтра большой русский бал, благотворительное веселье), и с любовью влез в рукава обреченного. Милейший пиджак, никаких молей нет и в помине. Вот только в кармане дырка, но не насквозь, как иногда бывало. «Чудно», – крикнул он тонким голосом. Жена, с носком в руке, выглянула в прихожую. «Снимите, Лужин. Он же рваный, пыльный. Бог знает, сколько лежал». – «Нет, нет», – сказал Лужин. Она осмотрела его со всех сторон; Лужин стоял и хлопал себя по бедрам, и между прочим почувствовал, что как будто есть что-то в кармане, сунул руку – нет, ничего, только дыра. «Он очень дряхлый, – проговорила жена, поморщившись, – но может быть, как рабочая куртка...» – «Умоляю», – сказал Лужин. «Ну, Бог с вами, – только дайте потом горничной хорошенько выколотить» [6, с. 113] (сообщение – просьба; параметры коммуникативной ситуации: разговор супругов).

Просьба формулируется Лужиным в косвенной и прямой формах. Косвенная реализация просьбы представляет собой макроречевой акт, состоящий из двух ситуативно-контекстуальных косвенных речевых актов (*он такой комфортабельный, такой чрезвычайно комфортабельный, чудно*). Подобная форма высказывания помогает Лужину отстоять свою точку зрения, не допуская при этом речевой агрессии. Стратегия побуждения к действию осуществляется посредством речевой тактики демонстрации достоинств предмета, осуществляемой вербальными и невербальными средствами. Прямой речевой акт (*умоляю*), следующий за косвенными, усиливает просьбу на завершающем этапе коммуникации и помогает достичь коммуникативную цель.

Говорящий (Лужин) использует косвенные речевые акты в рамках семейного, нецеремонного этикета, в котором, согласно концепции П. Браун и С. Левинсона, допускается прямое выражение волеизъявления. Данная особенность коммуникации в романе выступает в роли стилистического средства, воссоздает внутренний мир «человека иного измерения, несовместимого ни с кем и ни с чем» [6, с. 59].

Этот социально-психологический тип является ключевым открытием В. В. Набокова. Применительно к русскоязычным романам писателя исследователь Е. С. Данилова обосновывает целесообразность использования термина «метароман» [9]. Для данного жанра характерны единые структурные принципы организации: общий речевой облик повествователя, система интертекстуальных лейтмотивов, объединенных игровым принципом. Подчеркнем, что в повествовательной системе метаромана все тексты, включенные в него, выделяются также схожим образом главного героя.

Особенность коммуникативного поведения собирательного героя набоковского метаромана – «нездешность», т. е. существование в своем идеальном мире: это может быть мир шахмат (Лужин), первой любви и связанных с ней рефлексий (Мартын), мир прошлого в России и первой любви (Ганин) или творчества (Годунов-Чердынцев, Цинциннат). Важной характеристикой этого героя является также нежелание отказываться от психологической защиты своей личности и вступать в коммуникацию с окружающими людьми, а порой и неумение или невозможность поддерживать ее на должном уровне, отсутствие коммуникативной компетенции. «Инаковость» главного героя обуславливает и оппозицию двух художественных уровней бытия – реального и идеального, являющихся важным свойством хронотопа набоковского метаромана.

Наиболее отчетливо социально-психологический тип одиночки, человека-творца, чужого всем окружающим (открытие В. В. Набокова), проявляется в романе «Защита Лукина», который Е. С. Данилова называет «ценностным центром метаромана» [9, с. 20]. Именно в речи Лукина косвенные коммуникативные единицы и значения, которые они несут, являются доминантными. Косвенность в речи Ганина, Мартына, Цинцинната также доминирует и возникает как следствие ложной вежливости, нежелания или невозможности поддерживать коммуникацию.

Косвенные директивы у В. В. Набокова могут создавать как положительную, так и пейоративную характеристику героя. Сравним примеры их использования в речи матери Мартына в романе «Подвиг» и матери Лужиной в произведении «Защита Лукина»:

«Остался бы дома, – сказала она, когда Мартын с ней поравнялся, – ну, что тебе ехать...» [6, с. 279] (сообщение – просьба);

«Выйти замуж за первого встречного прохвоста», – обиженно начала она [6, с. 66] (сообщение – упрек).

Косвенный речевой акт просьбы в первом случае характеризует говорящего – мать Мартына – как личность чуткую, деликатную, которой свойственно желание не обидеть собеседника – своего сына. Показательно, что религиозное кредо Мартына, являющееся, по мнению В. Ерофеева, «свидетельством религиозных размышлений Набокова» [10, с. 22], привито ему матерью. Софья Дмитриевна – один из

тех персонажей, чьи принципы наиболее близки системе ценностей писателя, героиня находится в одной плоскости с автором [11, с. 311].

Во втором примере косвенный директив является средством характеристики человека грубого, бескультурного, происходящего из мещанской среды. В то же время через косвенный речевой акт раскрывается не прямая авторская оценочность героя и его системы ценностей. Прямой речевой акт в этом случае был бы «иллокутивным самоубийством» (понятие, предложенное З. Вендлером). Персонаж надевает своеобразную маску, скрывая под приемлемой формой неблагоприятное в своей натуре. Однако косвенная форма высказывания, выполняя стилистическую функцию, в этом контексте не переводит общение в русло вежливого разговора.

Как отмечает М. М. Бахтин, «все персонажи и их речи являются объектами авторского отношения (и авторской речи). Но плоскости речей персонажей и авторской речи могут пересекаться, то есть между ними возможны диалогические отношения» [11, с. 311]. Второй персонаж и автор находятся в разных плоскостях, но герой является объектом авторского отношения и оценки. При помощи имплицитных смыслов В. В. Набоков дает скрытую, завуалированную оценку своим персонажам или явлениям действительности.

Косвенные директивы используются с другой стилистической задачей в следующих фрагментах романа «Приглашение на казнь»:

– ...Во всяком случае, милый мой сосед, буду пользоваться разрешением приходить к вам часто, часто, – если, конечно, вы мне разрешение даете, – а ведь вы мне даете его, – правда? [7, с. 49–50] (сообщение – просьба; вопрос – просьба);

– **Кстати, я давно хотел вас пожурить за ваше отношение к здешней жизни. Нет, вы не отмахивайтесь, разрешите мне на правах дружбы...** [7, с. 63] (сообщение – упрек; параметры коммуникативной ситуации: разговор тюремщиков с заключенным Цинциннатом в камере в ожидании казни).

Преувеличенная вежливость косвенных побуждений в этих контекстах характеризуется несоответствием коммуникативной ситуации и становится издевательством, насмешкой, пыткой для адресата-персонажа. Стилистической функцией косвенных директивов является усиление ощущения абсурда, «комического кошмара» действительности. На коммуникативно-прагматическом уровне писателем реализуется ключевая идея романа-антиутопии.

Рассмотренные примеры косвенных директивов следует отнести к текстообразующим непрямым высказываниям, интерпретация которых является значимой для понимания идейно-художественного замысла произведения в целом.

2. Косвенные репрезентативы (сообщения). С несколько меньшей регулярностью, чем косвенные директивы, в произведениях В. В. Набокова встречаются косвенные репрезентативы. Их использование связано со стремлением автора к не прямой оценочности, выражению собственной системы ценностей через высказывания персонажей:

«Такие лица, значит, встречаются редко, вы это хотите сказать?»

«**Всякое лицо – уникам**», – произнес Ардалион [12, с. 357] (сообщение – несогласие);

«Вы еще скажите, что все японцы между собою схожи. Вы забываете, синьор, что художник видит именно разницу. Сходство видит профан...» <...>

«Но согласитесь, – продолжал я, – что иногда важно именно сходство».

«**Когда прикупаешь подсвечник**», – сказал Ардалион [12, с. 357] (сообщение – несогласие).

По признаку типологического сходства с автором в духовном, интеллектуальном и моральном плане, по мнению исследователей Б. Бойда, А. Злочевской, В. Ерофеевой, персонажей в произведениях В. В. Набокова можно разделить на героев с близким к авторскому типу сознания (Годунов-Чердынцев, Цинциннат Ц., Софья Дмитриевна и др.) и персонажей с иным, чем у автора, типом сознания (Герман, Гумберт). Одной из особенностей идиостиля В. В. Набокова является введение автором в произведения персонажей, высказывания которых находятся в одной плоскости с его собственными убеждениями. В речевой характеристике этих героев косвенные репрезентативы используются со специальным стилистическим заданием – для выражения ключевых идей произведения, наиболее значимого в системе ценностей В. В. Набокова.

Метафорические сентенции Годунова-Чердынцева в романе «Дар» отражают систему взглядов на мир В. В. Набокова и не прямую авторскую оценочность:

«Я знаю, что вы меня не послушаетесь, но все-таки (и Васильев, поморщившись от боли, взялся за сердце) я как друг прошу вас, не пытайтесь издавать эту вещь, вы загубите

свою литературную карьеру, помяните мое слово, от вас все отвернутся». – «Предпочитаю затылки», – сказал Федор Константинович [12, с. 187] (сообщение – несогласие).

Другая стилистическая задача косвенных репрезентативов – изображение духовного облика героя. Обращает на себя внимание афористичность речи крестьянина Феликса в романе «Отчаяние», характеризующая его как незаурядную творческую личность, чего главный герой, не считающий Феликса человеком, не замечает:

«В настоящее время ничем помочь тебе не могу, – ответил я холодно, – но дай мне свой адрес». Я вынул записную книжку и серебряный карандаш.

Он усмехнулся: «Не могу сказать, чтобы у меня сейчас была вила. Лучшие спать на сеновале, чем в лесу, но лучше спать в лесу, чем на скамейке» (сообщение – отказ (сентенционный)) [12, с. 340].

Номинации речевых интенций в рамках группы косвенных репрезентативов представлены следующим перечнем:

а) отрицание (64,2 %):

– Можно у вас посидеть немного? Мне что-то очень скучно сегодня...

«Ну, ты, брат, не вздумай со скуки ухаживать за мной», – мысленно огрызнулся Ганин, открывая дверь пансиона, и вслух ответил:

– К сожалению, я сейчас занят. В другой раз [8, с. 80] (сообщение – отказ);

б) утверждение (20 %):

– Здесь живет герр Алферов?

– Первая дверь налево, – сказал Ганин [8, с. 80] (сообщение – согласие) [8, с. 80];

в) признание (4,2 %):

«Но любишь ли ты меня?»

«То, что говорю, и есть в некотором роде объяснение в любви», – ответил Федор Константинович [12, с. 328] (сообщение 1 – сообщение 2);

«Разрешите мне признаться вам, как джентльмен джентльмену: я ведь потом узнал, что вы были не первым и не последним, и я развелся, да, я развелся» [6, с. 344] (просьба – сообщение);

г) оскорбление (4,2 %):

Любовь: Хочешь, я тебе скажу, что мне приходит иногда в голову: а что если ты феноменальный пошляк? [13, с. 361] (вопрос – оскорбление);

д) информирование (3,2 %):

Тут он сделал удивленные глаза и отпустил руку Лужиной: «Как, вы не знаете, что я теперь снимаюсь? Как же, как же. Большие роли, и во всю морду» [6, с. 137] (вопрос – сообщение);

е) утешение (2,1 %):

Ошивенская. Перемелется, душенька. Всем не сладко живется. Марочку, вашу тезку и мою внучку, тоже вот муж бросил. Значит, за то, что гражданским браком венчались. Да, житье не сладкое [13, с. 349] (сообщение – утешение);

ж) комплимент (2,1 %):

Ошивенская. Пора вам перестать хорошеть, Марианна Сергеевна: это может принять размеры чудовищные [13, с. 321] (сообщение – просьба – комплимент).

Самыми частотными являются косвенные отрицания, что объясняется стремлением персонажей снизить категоричность при отказе и несогласии, смягчить реализацию интенций, угрожающих лицу адресата.

3. Косвенные экспрессивы. К классу экспрессивов вслед за Н. И. Формановской мы относим речевые акты, представляющие собой «собственно экспрессивное выражение эмоций, оценок, отношений» [5, с. 155]. В рамках группы косвенных экспрессивов выделяется следующий набор речевых интенций:

а) неодобрение (77,8 %):

– Зачем вы все это мне рассказываете? – спросил Цинциннат. Она молчала.

– Зачем все это? [7, с. 78] (вопрос – неодобрение);

б) осуждение (11,1 %):

«Произошло, **поздравляю**, – сказала она в тот же вечер дочери. – Не делай невинное лицо, ты отлично понимаешь. Мы желаем жениться» [6, с. 66] (поздравление – осуждение);

в) несогласие (11,1 %):

«Ах, зачем же, вам это неинтересно. Я говорю резонные вещи, а вы раздражаетесь». «**Христос с вами**, – с чего бы я стал раздражаться? Напротив, напротив...» [12, с. 410] (сообщение – несогласие (фразеологизированное)).

Все выявленные в произведениях В. В. Набокова косвенные экспрессивы передают отрицательное отношение говорящего к предмету речи. Стилистическими функциями косвенных экспрессивов являются характеристика духовного облика героя, передача его внутреннего состояния, а также непрямая авторская оценка персонажа или явления действительности.

В пьесе «Человек из СССР» одна из героинь, Марианна, с помощью косвенных экспрессивов представлена как вульгарная и взбалмошная особа, что создает еще больший контраст между ней и другой героиней – наделенной душевной тонкостью Ольгой Павловной – и усиливает образную антитезу в содержательной структуре пьесы:

Марианна (у телефона). **Какая гадость!** Неужели он это сказал? (Смеется.) [13, с. 323] (сообщение – неодобрение);

Марианна. **Вы с ума сошли** [13, с. 324] (сообщение – неодобрение);

Марианна. **Ты меня с ума сведешь!** (Вбегает Помощник режиссера.) [13, с. 343] (сообщение – неодобрение).

Косвенные экспрессивные речевые акты используются как средство изображения взволнованного, дискомфортного внутреннего состояния героя:

«А он, между прочим, во вторник отбывает», – произнес дядя Генрих и сунул зубочистку в жилетный карман.

«Как, уже?» – протянула Софья Дмитриевна.

«**Да, уже, уже, уже**», – с несвойственным раздражением сказал он и вышел из комнаты [6, с. 274] (согласие – неодобрение).

Гипертрофированные косвенные экспрессивы выражают формально гипертрофированное согласие или вопрос, а по сути – неодобрение, возмущение, гнев и печаль.

4. Косвенные контактивы. В русскоязычных произведениях В. В. Набокова косвенные контактивы составляют небольшую группу по сравнению с вышеуказанными типами косвенных речевых актов. Косвенные контактивы включают следующий перечень самых частотных речевых интенций:

а) прощание (57,1 %):

«Я не знаю, как попрощаться с вами. Быть может, я поцеловала вас. Да, должно быть» [8, с. 97] (сообщение – прощание);

«Да! – резко сказал Васильев, захлопнув книгу и вдавив ее в первую попавшуюся щель: – **Все на свете кончается, товарищи. Мне лично нужно завтра вставать в семь**» [12, с. 48] (сообщение – прощание);

б) приветствие (21,4 %):

Таубендорф. Фу ты, как хорошо! **Сколько зим, сколько лет! Больше зим, чем лет...** [13, с. 318] (сообщение – приветствие);

в) благодарность (14,3 %):

«Вот вам пока что на визу, – сказал я, распахнув бумажник. – Только сделайте это медленно, а то пропьете. Завтра же утром пойдите».

«**Дай лапу**», – сказал Ардалион [12, с. 411] (сообщение – благодарность);

г) пожелание (7,1 %):

«Куда наш красавец едет?» – спросил Ардалион, неизвестно к кому обращаясь.

«В Дрезден», – ответила Лида. Они теперь играли в дураки.

«**Мое почтение Сикстинской**» [12, с. 371] (сообщение – пожелание).

Косвенные контактивы в большинстве рассмотренных примеров не представляют собой клишированные, готовые к употреблению высказывания, а прямо зависят от языковой креативности, знаний и опыта говорящего: *Дай лапу* (со значением благодарности); *Мое почтение Сикстинской*

(со значением пожелания); *На всякий случай я с вами попрощаюсь; Я не знаю, как попрощаться с вами. Быть может, я поцеловала вас. Да, должно быть; Все на свете кончается, товарищи* (со значением прощания) и др. Возможна буквализация фразеологического оборота, что в целом характерно для речевой коммуникации в драматургии В. В. Набокова: *Сколько зим, сколько лет! Большие зим, чем лет...*

Среди стилистических функций косвенных контактивов выделяется импликация сюжетобразующего события:

«*Было хорошо*». <...>

«*Вы что, Лужин, как будто прощаетесь?*»

«*Да-да, – сказал он, притворяясь рассеянным*» [6, с. 150] (сообщение – прощание).

В данном контексте косвенный речевой акт имплицитно сюжетобразующее событие – уход Лужина из жизни, о котором он посредством акта прощания предупреждает жену. На уровне коммуникации автор – читатель косвенный контактив сигнализирует читателю о предстоящем сюжетобразующем событии.

Косвенные рогативы оставляем за пределами данного исследования, поскольку их примеры в стилистическом отношении незначимы.

Основными стилистическими функциями косвенных речевых актов в русскоязычных произведениях В. В. Набокова являются характеристика внутреннего мира персонажа (выделяется во всех исследуемых группах косвенных речевых актов), реализация ключевых идей произведения (свойственна косвенным директивам и репрезентативам), импликация сюжетобразующего события (характерна для косвенных контактивов).

Важнейшей функцией косвенных речевых актов является раскрытие не прямой авторской оценочности. Косвенные директивы и экспрессивы выражают не прямую авторскую оценку, направленную на персонажей художественных произведений В. В. Набокова. Косвенные репрезентативы играют особую роль и отражают наиболее значимые ценности писателя.

Библиографические ссылки

1. Виноградов В. В. О построении теории поэтического языка. Учение о системах речи литературного произведения // Поэтика : сб. ст. Л., 1927. С. 5–25.
2. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М., 1930.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2014.
4. Храпченко М. Б. Язык художественной литературы // Новый мир. 1983. № 10. С. 243–255.
5. Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М., 1998.
6. Набоков В. Собрание сочинений : в 4 т. М., 1990. Т. 2 : Защита Лужина. Подвиг. Соглядатай.
7. Набоков В. Собрание сочинений : в 4 т. М., 1990. Т. 4 : Приглашение на казнь. Другие берега.
8. Набоков В. Собрание сочинений : в 4 т. М., 1990. Т. 1 : Машенька. Король, дама, валет. Возвращение Чобра.
9. Данилова Е. С. Поэтика повествования в романах В. Набокова: прагма-семиотический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Саратов, 2003.
10. Ерофеев В. Русская проза Владимира Набокова // Набоков В. Собр. соч. : в 4 т. М., 1990. Т. 1. С. 3–32.
11. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
12. Набоков В. Собрание сочинений : в 4 т. М., 1990. Т. 3 : Дар. Отчаяние.
13. Набоков В. Трагедия господина Морна. Пьесы. Лекции о драме. СПб., 2008.

References

1. Vinogradov V. V. [On the theory of the poetic language. Studies on the systems of speech in a literary work]. In: *Poetika*: collect. articles. Leningrad, 1927. P. 5–25 (in Russ.).
2. Vinogradov V. V. [On the language of the artistic prose]. Moscow, 1930 (in Russ.).
3. Karaulov U. N. [Russian language and language personality]. Moscow, 2014 (in Russ.).
4. Khrapchenko M. B. [The language of fiction]. *Novyi Mir*. 1983. No. 10. P. 243–255 (in Russ.).
5. Formanovskaya N. I. [Communicative and pragmatic aspects of communicative units]. Moscow, 1998 (in Russ.).
6. Nabokov V. [Collected works] : in 4 vol. Moscow, 1990. Vol. 2 : [Protection of Luzhin. Feat. Spy] (in Russ.).
7. Nabokov V. [Collected works] : in 4 vol. Moscow, 1990. Vol. 4 : [Invitation to a beheading. Other shores] (in Russ.).
8. Nabokov V. [Collected works] : in 4 vol. Moscow, 1990. Vol. 1 : [Mashenka. King, Queen, Jack. Returning of Chobr] (in Russ.).
9. Danilova E. S. [Poetics of narration in Nabokov's novels: pragmatics and semiotics aspect] : thesis diss. ... PhD (philology) : 10.02.01. Saratov, 2003 (in Russ.).
10. Erofeev V. [Russian prose of Vladimir Nabokov]. Nabokov V. *Sobranie sochinenii* : in 4 vol. Moscow, 1990. Vol. 1. P. 3–32 (in Russ.).
11. Bahtin M. M. [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, 1986 (in Russ.).
12. Nabokov V. [Collected works] : in 4 vol. Moscow, 1990. Vol. 3 : [Gift. Despair] (in Russ.).
13. Nabokov V. [Mr. Mourns's tragedy. Plays. Lectures on drama]. Saint Petersburg, 2008 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 02.05.2017.
Received by editorial board 02.05.2017.